

Люси Стрейндж

ТАЙНА СОЛОВЬИНОГО ЛЕСА

Перевод *Ольги Лютовой*

Иллюстрации *Ирины Горбуновой*

Санкт-Петербург
Издательство
«Качели»
2020

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
С84

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency
за содействие в приобретении прав

ISBN 978-5-907224-45-2

Оригинальное издание на английском языке впервые напечатано
в 2016 году под названием THE SECRET OF NIGHTINGALE WOOD
в издательстве The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset,
BA11 1DS

Текст © LUCY STRANGE 2016

Автор заявил свои неимущественные права

Все права защищены

© О. Лютова, перевод, 2020

© В. Бабенко, перевод, 2020

© И. Горбунова, иллюстрации, 2020

© ООО «Издательство Качели», 2020

*Моим родителям —
Мэри и Рику
Стрейнджам*

*То явь иль сон?*¹
Джон Китс, «Ода соловью»

*Жизнь — роскошный подарок,
и в ней нет ничего неизменного.*
Флоренс Найтингейл²

---

¹ Перевод Эммы Соловковой.

² Флоренс Найтингейл (1820–1910) — первая в мире сестра милосердия, основательница сестринской профессии. Ее фамилия переводится с английского как «соловей».

ГЛАВА 1

Мы стояли все вместе — отец, мама, няня Джейн, Поросенок и я — и смотрели на новый дом. Он оказался большим и старым, кое-где почти развалившимся, с кривоватыми стенами и покатой черепичной крышей, поросшей лишайником. Табличка на воротном столбе гласила: «Дом Надежды».

— Начнем все сначала, — сказал отец.

Мама ничего не ответила. Она пристально поглядела на наше странное новое жилище, а потом повернулась к отцу и уставилась на него.

— Пойдем, Поросенок, — прошептала я малышке. — Попробуем осмотреться.

Покрепче прижав ее к груди, я двинулась вдоль дома к узкому вытянутому садовому участку, к дремучему лесу, располагавшемуся позади него.

— Не задерживайся! — крикнула мне вслед няня Джейн. — Пожалуйста, Генри, вернись через двадцать минут, к чаю.

Меня всю жизнь называли Генри, хотя мое полное имя — Генриетта Джорджина Эббот. Возможно, родителям хотелось

двух мальчиков. Теперь, когда моего брата Роберта не стало, у них остались две девочки. Всего-навсего мы с Поросенком.

Разумеется, на самом деле малышку звали вовсе не Поросенком. Она появилась на свет в то кошмарное время — прошлым летом. Мама даже не стала обсуждать имя, так что отец записал ее Робертой Эббот; ужасная ошибка, конечно, но теперь уже слишком поздно. Никто никогда так и не отважился назвать ребенка Робертой, поэтому мы окрестили ее Поросенком, потому что — ну да — она очень походила на маленькую милую свинку. А ещё мне это имя пришлось по душе, потому что напоминало о младенце из «Алисы в Стране чудес».

В тот день, изучая новый мир, в котором не было ни малейшего смысла, я часто напоминала себе Алису. Мы с Поросенком брели мимо запущенного огорода, заросшей сорняками клумбы с розовыми кустарниками и старой разломанной беседки, — до самого конца лужайки, до того места, где сад кончался и начинался лес.

В сени деревьев было прохладно, темно и как-то липко. Лето стояло жаркое — листья и ветки под моими ногами хрустели, словно хворост для растопки. Хитро переплетавшиеся тропки, тоже заросшие, манили в лесной сумрак. Я остановилась и прислушалась, но уловила лишь тихий стук собственного сердца и едва различимое дыхание Поросенка. Малышка будто бы стала тяжелее, и я поняла, что она заснула. Я поцеловала ее в пушистую круглую макушку и прошептала:

— Смешной Поросеночек.

Шагнула на ближайшую дорожку — и замерла.

«А что, если я заблужусь и не смогу найти дорогу назад? — подумалось мне. — А что, если лесные тени поглотят меня?»

Ветки над моей головой как-то странно вздрогнули, и тут — совсем внезапно — я почувяла запах дыма.

Дым. Его тяжелый горький привкус я постоянно ощущала в страшных снах.

Я развернулась и, спотыкаясь, стремглав кинулась обратно, так сильно прижав к себе малышку, что та проснулась и заорала. Я погладила ее по головке и попыталась рассмеяться, делая вид, что мой неловкий страх — всего-навсего игра.

— Всё хорошо, — заверила я.

Но не убедила: Поросенок хныкала.

Оглянувшись на лес, я увидела полупрозрачный дым, плывущий ко мне меж деревьев...

Подсвеченные солнцем листья трепетали от одним им известных тайн.

***

В тот вечер я помогла искупать Поросенка, а потом, пока она ворочалась, возилась и что-то лепетала в своей колыбельке, читала ей вслух. Кажется, ей нравилось, когда читали, — и уж точно нравилось жевать уголки книги. Я кончиком пальца поглаживала маленький вздернутый носик ребенка, и, когда добралась до последней строфы «Филина и Кошки» Эдварда Лира, глазки малышки начали слипаться.

*Был фарш на обед, и айва на обед
(К ней грибфрутова ложка дана);
В руке рука, на кромке песка
Плясали они, и сияла луна...¹*

— Спокочи-ночи, Поросенок, — пожелала я и поправила одеялко на ее пухлом пузике.

А потом еще раз произнесла «грибфрутова», потому что это красивое слово, хотя и не поймешь, всамделишное ли оно. Тихонько затворив за собой дверь детской, я отправилась вниз ужинать.

---

¹ Переводы стихотворных строк Эдварда Лира сделаны Виталием Бабенко.

Нам с няней Джейн пришлось просидеть за обеденным столом минут десять, прежде чем пришел отец. Мы слышали, как наверху он что-то говорил, повышая голос, а потом там хлопнула дверь. Старый дом вздрогнул, и я уже боялась, что сверху донесется крик Поросенка, но она не проснулась.

Няня Джейн помешивала остывающий суп у себя в тарелке и терпеливо ждала — этакий образчик сдержанности, с ее-то безупречно белым передником и светлыми волосами, убранными в идеальный пучок. Я поинтересовалась у нее, существует ли на самом деле слово «грибфрутовый», а она ответила, что не уверена. Я сказала, что спрошу у отца.

— Только не сегодня, Генри, — отозвалась она.

Едва сев за стол, отец тут же, не сказав ни слова нам с няней Джейн, принялся за суп, почти совсем остывший.

— А мама спустится ужинать? — спросила я.

Няня Джейн смерила меня своим характерным взглядом.

Отец проглотил суп, тронул губы салфеткой и глубоко вздохнул.

— Не думаю, Генри, — проговорил он. — Мама очень устала.

И вдруг отец тоже показался мне очень усталым; его глаза как-то странно заблестели, будто в них стояли слезы. Он опустил взгляд и потер лоб.

Я мучительно думала, что бы еще сказать.

— Мне кажется, в лесу кто-то есть, — наконец выдавила я. — Когда я ходила там сегодня днем, мне показалось, что пахнет дымом...

Отец отодвинул свой стул от стола и поднялся.

— Сегодняшний день был долгим для всех нас... Да и есть мне не особенно хочется.

Он направился к двери.

— Вероятно, сказки на сегодня тоже можно отложить, — заметил он, даже не оглянувшись. — Ты уже слишком взрослая для них, Генри.

***

Я предположила, что отец сразу лег спать, однако ошиблась. После ужина я отправилась на запах его курительной трубки, что привел меня в кабинет в передней части дома, поблизости от прихожей. Все стены в нем, от пола до потолка, были увешаны деревянными книжными полками, совершенно пустыми, из-за чего создавалось ощущение, что ты попала в заброшенный книжный магазин.

Отец уже начал разбирать вещи и распаковал несколько коробок, но сейчас просто сидел в кресле с высокой спинкой, что стояло возле камина, и курил трубку. Он наверняка слышал, как я вошла, однако ничего не сказал, поэтому я тоже молчала.

Книги были сложены на полу аккуратными стопками и ждали, когда их расставят по полкам. Я взяла в руки тяжелый отцовский словарь и с надеждой пролистнула страницы.

Но слова «грибфрутовый» там не было.

ГЛАВА 2

В ту ночь мне не спалось.

Целый час, а может и дольше, я в ночной рубашке просидела на полу своей комнаты, вытаскивая из дорожного сундука свои книги и расставляя их по полкам. Сперва я расставила их в алфавитном порядке: Фрэнсис Бернетт, Чарльз Диккенс, Льюис Кэрролл, Луиза Мэй Олкотт... Потом сняла всё с полки и начала сначала, на этот раз пытаюсь составить разноцветную палитру из корешков: синий, зеленый, серый, черный...

Свою книгу сказок я положила на прикроватный столик — она никогда не обитала вместе с другими книгами. Мой брат Роберт подарил мне ее на двенадцатый день рождения, почти год назад. Она изобиловала самыми прекрасными картинками, какие только можно вообразить! На каждой странице — заколдованные леса, подводные корабли, королевские замки... Чем больше разглядываешь, тем больше видишь: это были картинки внутри картинок, миры внутри миров.

Моя новая комната располагалась в задней части дома, и из ее окна были видны сад и лес. Я раздвинула тяжелые шторы и постояла возле темного окна, но увидела лишь собственное отражение в стекле.

Под глазами темные круги, волосы — клокастое каштановое безобразие.

Год назад мама бы посмеялась и сказала: «Генри, ты выглядишь так, словно беглый пони протащил тебя сквозь кусты». Она бы притянула меня к себе и аккуратно расчесала это воронье гнездо, чтобы мои волосы разгладились и снова заблестели. И поцеловала бы меня на ночь.

Я сморгнула слезы и задвинула шторы у себя за спиной, чтобы закрыться от света. Тьма за окном казалась необъятной, непроницаемой и совершенно несравнимой с мутно-серой лондонской ночью.

«Это небо совсем как из моей книги сказок, — подумала я. — Черный бархатный плащ, расшитый бриллиантами, словно у злой королевы...»

И тут я увидела дым.

Узкой лентой он поднимался над черным лесом. Сощурившись, я увидела крошечную оранжевую точку — мигающий огонек меж деревьев. Пламя.

«В нашем лесу кто-то развел костер».

Мое сердце сжалось, словно кулак. Я подумала о прошлогодних листьях, устилавших лесную почву, о сухих ветках, хрустевших, словно хворост для растопки... Я представила себе, как разгорается и распространяется пламя, как ползет вверх, подхватывая просохшие ветки над головой; я почти видела, как прорывается оно сквозь деревья, как приближается к Дому Надежды...

Я смотрела и смотрела на этот огонек, пока в глазах не начало жечь. Однако он не разрастался, не рвался вверх. Он пылал. Он... *мерцал*...

Мне хотелось притвориться, что я его не видела, надеть ночную сорочку, поудобнее устроиться под мягким голубым одеялом с любимой книжкой, — но яркие языки пламени обладали какой-то магической силой: они манили меня, будто волшебные.

Не особо задумываясь, что собираюсь сделать, я натянула сапоги и халат и распахнула дверь комнаты.

***

Остановившись на лестничной площадке, я прислушалась, не храпит ли отец, но всё было тихо. Чуть раньше мне почудился шум автомобильного двигателя, и теперь, стоя тут во тьме и тишине, я почувствовала, как внутри поднимается ужас: а вдруг все собрали вещи и уехали в Лондон без меня? Но тут послышалось тихое успокоительное бормотание. Отец. Возможно, он тоже не может уснуть...

Я принялась спускаться по ступеням, держась ближе к краю лестницы, к самым перилам — там дерево меньше прогибалось и не должно было скрипеть. Я вообразила, как мой брат Роберт шепчет с лестничной площадки: «*Ты должна спать, Генриетта...*» — и мое сердце сжалось от чувства вины. Я вдруг задумалась: а может ли няня Джейн по одному лишь скрипу ступеней определить, во что обут ребенок — в сапоги или в тапочки?..

Через коридор я прокралась на кухню. На столе горой возвышались ящики с вещами, которые мы привезли из Лондона. Все они были распакованы — словно кто-то уже начал разгружать их, но отвлекся. Я заметила хрустальные бокалы для вина и красивый обеденный сервиз, расписанный розами. Этих вещей я не видела с позапрошлого Рождества и сомневалась, что вскоре еще раз увижу. В семье Эббот теперь все переменялось.

Дверь в сад была заперта. Слева от двери на стене располагался целый ряд крючков — и на каждом висело по ключу. На одном из них садовым шпагатом крепился ярлычок: «Дверь кухни». Ключ неохотно заскрежетал в замке — и дверь распахнулась.

При бледном свете, падавшем из кухни у меня за спиной, сад казался зеленовато-серым, словно морское дно. Мне удалось лишь разглядеть обломки старой беседки — она дрейфовала, поскрипывая, где-то там, позади неухоженного огорода. Передо мной плавали несколько полураспустившихся белых роз — сам розовый куст был почти неразличим

во мраке, так что цветы парили в пространстве призрачными медузами. Я вдруг обнаружила, что задерживаю дыхание, словно и правда нахожусь под водой. Я заставила себя набрать в легкие побольше воздуха и шагнула на лужайку.

Я шла по саду, а моя тень тянулась вперед, к таинственному лесу. Он темнел в отдалении, словно упавшая на землю грозовая туча. В ночной воздух вплетался горьковатый запах костра, и сердце мое подпрыгивало. Я уговаривала себя, что запах этот вовсе не страшный, что он напоминает об осенних прогулках по Гайд-парку, о Ночи Гая Фокса — празднике костров — и Хэллоуине...

«Если бы здесь был Роберт, — сказала я себе, — он бы вовсе не испугался».

Я пристально разглядывала темные заросли деревьев, что раскинулись впереди, а мое воображение рисовало чудовищных обитателей леса — волков, из пасть которых текла слюна, что-то нашептывающих древесных демонов, ведьм с длинными пальцами... Все части моего тела напряглись от страха — пальцы, кожа, легкие...

И тут, словно острая игла, ночь пронзил отчаянный вопль.

Я замерла. *Сова?* Нет, голос был очень похож на человеческий...

Я в панике обернулась на дом — и с трудом сдержала крик.

В окнах второго этажа метались длинные тени. Целая толпа изломанных силуэтов — трое, нет, четверо! Кто, черт возьми, может оказаться в такое время на втором этаже нашего дома? Отец, няня Джейн и... *кто же еще?* Из окна донесся новый крик; тени заплясали в каком-то лихорадочном танце, а потом раздался еще один долгий вопль. Жалобный вой.

Это не сова.

Это мама.

ГЛАВА 3

Я пустилась бегом. Бросилась назад в кухонную дверь, через кухню и вверх по лестнице: «Мама, моя мама!..»

На полпути на второй этаж я замерла, задыхаясь от бега. За дверью маминой комнаты были слышны голоса, низкие и серьезные, затем дверь открылась и на площадку вышел отец, а вслед за ним — няня Джейн. После этого дверь снова плотно закрылась, но я успела углядеть чью-то мощную тень на пороге.

Вид у няни Джейн был убийственно серьезный, однако, увидев меня, она вдруг радостно улыбнулась. Выглядело это подозрительно.

— Что случилось? Что с мамой? — спросила я, пытаюсь унять бешеное дыхание.

Отец открыл было рот, собираясь что-то сказать, но только молча покачал головой и двинулся вниз по ступеням мимо меня.

— Что с ней, няня Джейн? — повторила я свой вопрос. — Можно мне ее увидеть? Кто там у нее в комнате?

— Сегодня у твоей мамы был очень трудный день, Генри, — сказала няня Джейн. — Она сильно взволнована